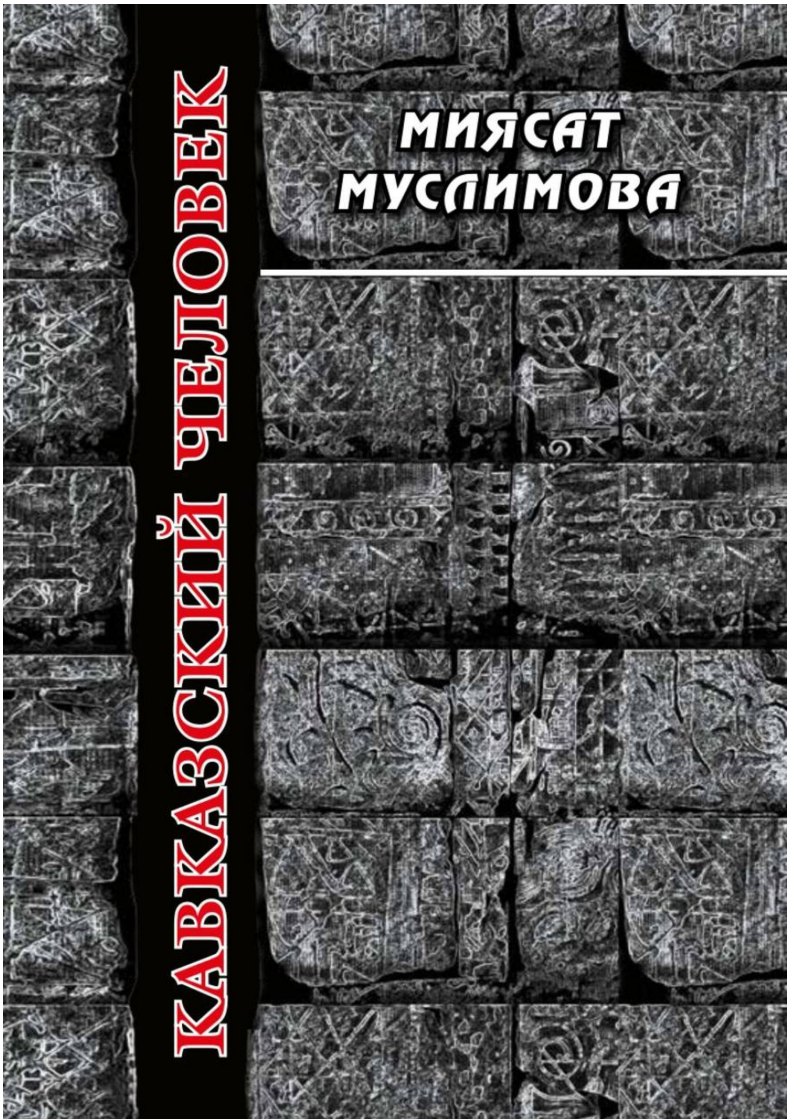

МИЯСАТ
МУСЛИМОВА
КАВКАЗСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Миясат Муслимова
Кавказский человек

https://litres.ru/74715254
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга Миясат Муслимовой «Кавказский человек» состоит из трех разделов. В первый из них вошел цикл прозы и поэзии «Дочки-матери», в центре которого образ матери. Любовь, нежность, щемящая печаль, боль — это тот эмоциональный фон, на котором разворачивается драма старости и неизбежности ухода.

Второй раздел книги «Кавказский человек» включает литературно-творческие эссе и журналистские статьи автора, в центре внимания которых - представители творческой интеллигенции республики и персоналии.

В третий раздел вошли статьи известных исследователей, литераторов, посвященные анализу творчества Миясат Муслимовой – поэта, прозаика, публициста, лауреата Государственной премии Республики Дагестан в области литературы, обладателя высшей журналистской награды страны «Золотое перо России». Содержание статей также раскрывает через анализ творчества кавказского поэта портрет «лица кавказской национальности».

Кавказский человек

КАВКАЗСКИЙ ЧЕЛОВЕК

РАЗДЕЛ «ДОЧКИ-МАТЕРИ»

27 декабря 2011 г.

Моя мама очень любит кормить всех. Ни перенесенная операция, ни высокое давление её не останавливают. Я ушла на работу, а в обед она мне звонит и радостно спрашивает: "Ты можешь меня послушать?" Я стразу поняла, в чем дело. Так и есть. Она совершила партизанскую вылазку на базар. Докладывает: купила курицу, пшено для голубей и что-то там еще. Конечно, я в ужасе: переходить университетскую площадь, где золотая молодежь на бешеной скорости выделывает черт знает какие виражи, потом переходить еще одну дорогу в самом оживленном месте, потом тащить все это... Но мама радостно рассказывает, что ей не дали таскать, что всю дорогу ей попадались очень добрые молодые ребята, которые переводили, таскали, провожали, подвозили. Я ей верю, конечно, не в первый раз. Она многим напоминает свою маму или бабушку. Она вообще-то кроткая и трудолюбивая, но если какая несправедливость- никому мало не покажется. Защищать умеет. В общем, хулиганство я ей простила, ко-

нечно. Такой адреналичник у нее от своей доблести, от того, что мне сэкономила время, а еще от одной причины: она знает, что я не торгуюсь никогда, а для нее же это песня, это такая проверка на ум хозяйственности и справедливости...Ладно, мама, мне, если честно, так не хотелось таскаться на базар. Пойду в обед маску на маскарад покупать. Кажется, сегодня в арт-кафе веселье обещали.

12 апреля 2012 г.

Мама сегодня опять мне напомнила, чтобы я сходила в Песионный фонд. Иногда я сочиняю ей, что сходила, что пенсию повысили, всё в порядке. Но после очередной политконференции самой авторитетной бабушки во дворе она рассказывает новости о том, как то одной, то другой пенсионерке привезли как ветерану трудового фронта какие-то подарки, и ей хочется (хотя необходимости в них нет) такого же внимания, чтобы потом, наверное, рассказывать во дворе, что и её не обошли вниманием. Она бережно хранит все письма президентов с поздравлениями к 9 мая: Ельцина, Путина, Медведева и искренне верит, что они знают о ней и её трудовой доблести. Иногда сетует, что, мол, те знакомые, которые не работали никогда, получают пенсии больше, чем она, а у нее ведь 40 лет трудового стажа без незасчитываемого стажа работы в колхозе им. Микояна. Я ей объясняю, что колхозный стаж не засчитывается, она замолкает, но остаёт-

ся в недоумении, и потом снова робко, боясь обременять, начинала просить, чтобы я выяснила, почему она получает меньше всех, хотя работала с детства и её фотографии висели на доске почета, о ней рассказывали по радио, её приводили в пример всем и даже водили первоклассницу в четвертый класс, чтобы рассказать о ней… Я всегда обещала узнать и никуда не ходила, приносила подарки от имени соцслужб, добавляла к пенсии от имени Пенсионного фонда.

Если бы ее детство не пришлось на военную пору, если бы она родилась не в высокогорном селе, если бы судьба была к ней добрее, она бы обязательно добилась многого на своем пути. Её стремление к знаниям удивляет. Сама выучила на старости лет арабский алфавит, читает целыми днями и переписывает в свои тетради молитвы. Когда мои статьи выходят в газете, она читает их и пытается понять. "Ты же не знаешь все эти слова на русском языке", - уговариваю я её не напрягаться. Но она все пытается вникнуть и, может быть, через эти статьи понять меня ту, которую она не знает. Както одна статья о рассказах Надира Хачилаева была переведена на лакский язык и опубликована в лакской газете. Мама прочитала и потом удивленно спросила: "Откуда ты знаешь столько слов?" Я смеялась: "Я не знаю, это знает Сияли, которая меня перевела на родной".

19 ноября 2012

Самый любимый праздник у мамы - ураза-байрам. Да простит меня Всевышний, это и самый беспокойный для меня праздник, потому что сразу на другой день мама просто падает - температура, обострение бронхита и всех болезней. Она так любит угощать, ждёт гостей, тревожится, если кто-то не пришел или кому-то в суете забыла передать подарок. Мне кажется, с каждым гостем, который пришел поздравить ее, она молодеет. Какая бы ни была погода, она обязательно выходит провожать каждого гостя на улицу - поэтому и простужается. Остановить ее невозможно - гость -это святое. В этом году, к счастью, праздник пришелся на теплое время года, и проблем с простудой не было. Праздник закончился, а она вышла за порог своего дома в общем дворе, села на старый сундучок и смотрит - а вдруг еще какой гость придет.

Её интуиция меня всегда поражает. Она все предчувствует, от неё утаить что-либо невозможно, а когда я удивлённо спрашиваю: откуда ты знаешь? - она чаще отмалчивается, но я знаю: она опять видела сон. Все сны у неё вещие. Иногда я нервничаю, отмахиваюсь, когда она рассказывает о тревожных снах, но странным образом всё сбывается. С возрастом я стала чаще расспрашивать её о снах. Они действительно знаковые, символические- и она умеет каким-то особым умом расшифровывать их. То ей снится ложка, с которой капает кровь, то невидимая рука набрасывает на нее белое покрывало, то еще какие -то странные сны, о которых я

иногда пытаюсь рассказать в своих стихах. Подходит к концу работа над книгой моих стихов на лакском языке "Сны моей матушки". Хочется, чтобы мама прочитала на родном языке написанное о ней. Как-то так нас сурово растили, без нежностей, и мне трудно говорить словами ей о том, как я люблю её. Надеюсь, в книге она прочитает.

А это её сон накануне замужества. Мама говорит, что тогда поняла, что будет несчастлива.

Из снов моей матушки

Круговая порука – цепь высоких вершин-
беспощадна.
...адна...
На сносях новой мукой - наследье мужчин.
Безотрадно.
...адно...
Стены в небо уходят - бесконечна моя
западня.
...дня...
Кровли нет, – только бремя и я -
одна.
...дна...

День прикроет глаза от молчанья слепящих небес,

Алла-а-а-а-а-а…
Я сложу как кресты свои руки на бремя под грудью…
Алла-а-а-а-а-а...
Кто-то землю вращает сильнее, мой голос исчез,
Алла-а-а-а-а-а...
Бубен солнца кружится быстрее, и несётся в безлюдьи:

Алла-а-а-а-а-а-а...

Дочь или сын – под пятою вершин

с рожденья.

День или ночь - владенья мужчин
и пораженье.
Всадник в седло –
Горы в окно.
Голос в горсти-
Сыну расти,
Оружие битвы -
Горечь молитвы.

День прикроет глаза от молчанья слепящих небес,
Алла-а-а-а-а-а…

Бьется душа безъязыкая, бьётся под грудью…
Алла-а-а-а-а…
Кто-то землю вращает сильнее, мой голос исчез,
Алла-а-а-а-а
Бубен солнца кружится быстрее, и несётся в безлюдьи:

Алла-а-а-а-а-а-а...

22 января 2013

Есть в жизни такие возможности, за которые можно бесконечно благодарить небо. Я ни с чем не могу сравнить свое счастье, когда чувствую тихую мамину радость. Счастье от того, что я могу подать ей стакан чая, угадать ее желание, сделать что-то самое простое, покормить. Счастье- просто заботиться о родном человеке. Как часто в детстве, в молодости я оставалась один на один с беспомощностью: не знала, чем ей помочь, как помочь. Мама одна растила троих детей, нахлебалась печалей. И тем более нет большего счастья, чем видеть улыбку своих стареющих родителей и ухаживать за ними, облегчать их жизнь, угадывать их желания. Моё счастье, моя радость, моя благодарность тебе, Господи, за то, что Ты даешь мне это право и возможность- заботиться о своей матери. Вот она сидит на скамье во дворе с соседками-ходила за хлебом, угощает всех, смеется. Смотрю через окно на них, улыбаюсь вместе с ними. Ветер шумит тополиными

кронами над ними, заходящее солнце благодатью ложится на листву, лица, на руки мамы - напахавшиеся за жизнь на полях, на фермах, на заводе, в доме - самые красивые руки на свете...

1 февраля 2014 г. ·

Пошла рано утром на рынок за молоком. На улице женщины в оранжевом ломают лед. Холодно, все передвигаются пробежками от помещения к помещению. А им еще ломать и ломать. Присмотрелась к лицам, и такая тоска взяла: они же все в бабушки молодым годятся, мне - в матери. Их бы сейчас на почетное место в доме, да с таким удовольствием подносить горячий чай, радовать их заботой. Мимо проковыляла собака. Присмотрелась, лапка перебитая, со следами подсохшей крови, ни на кого из снующих людей не смотрит, словно ни от кого ничего не ждет. Почему- то подумала о тех истовых «мусульманах», которые считают, что собака - нечистое животное по исламу и порой бывают жестоки по отношению к ним. Так люди боятся глядеть в глаза тем, от которых идет энергия зла: кто знает, какой ничтожный повод может взбесить их. Так и эта собака прошла, словно желая, чтобы ее не заметили. Худющая. Недавно в одной из наших газет прочла, что люди жалуются в мэрию на собак. Ну все, ждите ночных отстрелов. В городе и так собак нет, увидишь одну - радуешься, что не застрелили. И боишься за нее.

Вернулась домой. Мама в окно смотрит, переживает: голуби не прилетели. Она же их каждое утро кормит. Рано-рано. А сегодня так и не прилетели. " Не волнуйся, - успокаиваю ее, - наверное, кто- то другой покормил". Она начинает заниматься любимым делом: кипятить молоко только по тем правилам, которые она знает. Я не спрашиваю, о чем она молчит. Знаю: живя более полувека в городе, она живет воспоминаниями двадцати лет жизни в селе, и сейчас вспоминает каждую коровку, которую она кормила в молодости, каждую овечку....

Чтобы говорить с мамой

Чтобы говорить с мамой,
долго пробую свой голос.
На бодрый она ответит молчанием
и усилием отдаления,
на беспокойный - закроет глаза,
на якобы равнодушный -
отвернется к окну.
Пойду на работу -
искать новые интонации
заботы.

Я знаю:
день ответит ей обещанием
долгих молитв за четками,

и в условленное время
она омоет свои ладони
и покорно поникнет головой
над молитвенным ковриком,
чтобы беседовать с тем,
кто внимает ей много лет.

Я говорю с Ним,
как авторская ремарка в пьесе.
Пока Он понимает меня,
но мама этого не знает.
И когда я прошу её молиться меньше,

чтобы остановить головокружение,

она с еще большей силой
шепчется с Ним,
чтобы выпросить мне прощение
и потом долго молчать до следующей молитвы.

Сколько лет
я втайне хочу запретить ей молиться…
В детстве я не думала,
каково Ему это знать,

а сейчас утешаю себя тем,

что Он умеет читать между строк.
Он ведь помнит меня с детства,
когда я просыпалась под низким потолком
на деревянной тахте рядом с сестрой и братом
и, укрывшись лоскутным одеялом,
моей любимой книгой путешествий
со страхом слышала,
что мама молится опять.

Я знала, что заснуть уже невозможно
от нарастающего материнского шепота,

в который просачивается страсть,
а страсть, набирая силу,
превращается в гнев,
заглушаемый отчаянием,
и чтобы сдержать его,
она бьет себя в грудь,
и уже не может удержать руки,
простирающиеся к Небу
и требующие ответа у Того,
кто смотрит на нее с высоты
своей беспомощности или суровости.

Потом она вспомнит,
что дети спят,

а я крепко-крепко закрою глаза,
чтобы не видеть,
как с потолка осыпается глина,
удерживаемая деревянным столбом,
пригнанным мамиными ладонями.
Теперь уже я засну крепко,
потому что знаю:
дальше молитва будет тихой.

Вечером я снова пробую свой голос
чтобы говорить с мамой.
Она сурова,
и мой голос, даже самый добрый,
не сможет разгладить её морщины.
Я знаю, что она очень хочет говорить,
но я не умею правильно спрашивать
и обрекаю её на тягостное молчание и возвращение

в юность, которую она проклинает.
Чтобы не тревожить больные воспоминания,
и дать ей возможность этой желанной встречи
я задорно спрашиваю,
где она находила бОльшую радость:
в поле, у реки, у цветов,-
и встречаю её недоуменный взгляд.
Вспоминаю:

Она не любит цветы.
Не любит реки, поля, горы.

Мама вспоминает поле, чтобы рассказать,
как радостно было сажать хлеб.
Она вспоминает реки,
чтобы рассказать,
как водой из ручья омывала холку любимого телёнка.
Она вспоминает цветы,
чтобы рассказать,
как они греют ладони,
когда мягкие коровьи губы
перебирают их
и долго, медленно жуют…

Морщины теплеют,
руки быстрее перебирают четки,
и мама с гордостью рассказывает,
что у нее, единственной в селе,
никогда не умирал ни один теленок,
а молоко, которое давали её коровы,
было самым жирным,
и однажды по жалобе соседки,
недовольной её фотографией на доске почета,
пришла грозная комиссия
и подтвердила,

что жирнее и вкуснее молока,
которое дают её бурёнушки,
нет нигде…

Когда она улыбается,
я вспоминаю Бога,
и прошу прощения у Него,
что не понимаю,
что такое молитва-
бунт или смирение,
и обещаю Ему,
что больше не буду
бояться её молитв.

Он, наверное, очень терпелив.
если прощает за то,
что я в последнюю очередь вспоминаю
о тех ягнятах, телятах, барашках,
которых выходила моя мама,
не забывающая их уже более полувека
после того, как они забыли сами себя.
Чтобы говорить с мамой,
долго пробую свой голос…

12 июля 2014 г.·
Несколько лет назад на аукционе, средства от которого

шли в поддержку детей- сирот, я выкупила картину Арсена Кардашова "Молитва", на которой была изображена пожилая горянка, сидящая на крыше сельского дома и перебирающая в задумчивости четки. Она мне так напомнила мою маму и все уходящее наше старшее поколение дагестанских женщин, что я на этом аукционе потеряла над собой полный контроль. Денег у меня уже не было, потому что до этого я уже выкупила все, что там было, чтобы инициировать активность людей. Благотворительный вечер, организованный движением "Дагестан без сирот", проходил в Аварском театре, зал был полон, но люди не участвовали в торгах, потому что об аукционе никто не предупреждал, люди шли на концерт. И надо было сделать все, чтобы "процесс пошел". Стартовая цена картины - три тысячи рублей. Недалеко от меня сидел депутат городского собрания, он тоже захотел выкупить эту картину. И вот пошел торг. Я добавляю 500 рублей, он тысячу, я добавляю одну тысячу, он – три. Спрашиваю у подруги, пришедшей со мной, у Анжелы Чупановой: «Сможешь одолжить мне деньги?». У нее оказалось 20 тысяч с собой, и я продолжила битву за эту картину. И когда я поняла, что проиграю, денег нет, депутат вдруг сдался: «Я понял, что эта картина вам нужна больше. Я уступаю ее вам».

В ту ночь я несколько раз просыпалась со странным ощущением покоя и счастья, какого - то умиротворения. Взгляд падал на прислоненную к стене картину, и я понимала при-

чину состояния и вновь засыпала с редким ощущением найденности чего- то давно потерянного и наконец обретенного. Спасибо художнику. И тому депутату тоже.

11 сентября 2014 г.

Я веду эти записки в соцсетях, пишу о разном. Но, оказывается, люди ждут рассказов о маме, спрашивают, почему я о ней давно не рассказываю. Иногда думаю о том, что это повседневные мелочи без занимательного сюжета, поэтому такие паузы, но продолжу, если у мамы уже столько друзей, неравнодушных читателей.

Когда я на работе, она одна дома целый день, внуки давно разъехались по разным городам. На обед я прихожу домой, чтобы следить за ее состоянием, чтобы она легче переносила долгий день одиночества. Это время совпадает со временем ее молитвы, и она оставляет двери открытыми. Сегодня я зашла, стараясь не шуметь (вчера от хлопанья двери у нее началось сердцебиение), и услышала, что она разговаривает сама с собой. Оказалось, она разговаривала со своей матерью. Моя мама почти всегда молчит, и я знаю, что она живет воспоминаниями, чаще всего о своих родителях. Я знаю все истории, которые она рассказывает о них, но делаю вид, что слышу в первый раз, потому что мама каждый раз переживает заново. Сегодня она вспомнила, как ее мать, умирая от тяжелой болезни, сказала ей, долго и любовно за ней уха-

живавшей: "Когда мы встретимся после смерти и ты предстанешь перед Всевышним, я выйду навстречу тебе и буду громко кричать, умолять Его, чтобы он отправил тебя в рай". И мама заплакала. Она всегда плачет, когда вспоминает эти слова. Наверное, она сегодня ей отвечала, когда я вошла в дом. Я сказала ей: "Мама, в фейсбуке* за тобой соскучились. Давай я тебя сфотографирую". Она улыбнулась, но пока я настраивала свой айпад, улыбка почти растаяла. Но она была для вас.

* фейсбук Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ

11 сентября 2014 г. ·

Почитала маме ваши добрые пожелания. У нее так поднялось настроение, что она спела мне песни, которые пела в селе в молодости.

Из песен моей мамы в молодости

Я б от моря слез не скрыла

На высоком берегу,

Если б радостью поила

Сердце давнему врагу.

Я бы слезы не жалела,

Если б знала, что слеза

Соль морскую одолела,

Превратилась в жемчуга.

Я бы слезы не скрывала,

Если б знала, что слезу

Море сразу возвращало,

Превращая в бирюзу.

Я бы слезы раздарила,

Как добро в последний час,

Если б море превратило

Слезы жаркие в алмаз.

Был бы мастер ты искусный,

Собрала б богатства я,

Превратила слезы в бусы,

Боль находки затая.

Бьется Каспий разъяренно,

В брызгах росных небеса.

Я была б тебе покорной,

Если б сбылись чудеса

Уходя спать, вспомнила один эпизод из своей молодости и сказала: «Человека, который говорит правду в лицо, не любят люди, но любит Бог. Выбирай, чья любовь тебе дороже». Наверное, она знает о моем противостоянии с Рамазаном Абдулатиповым, главой республики, хотя я ей ничего не рассказывала. Иначе откуда такое точное попадание?

Шейх

Мой будущий отец Шейх

родился в этих горах,

но день его рождения не известен никому,

потому что он определялся по времени

поклонения земле, принимающей семя

или возвращающей его плоды.

Тогда не было деления мужчин

на мальчиков, юношей и зрелых джигитов.

Натянутая тетива их тел

была облечена в черкески,

кинжалы самых бедных горцев

были дороже всего, чем они владели,

а их чёрные папахи бросали вызов облакам.

Когда время пришло в горы,

черкески стали исчезать,

кинжалы, призванные защищать честь

и напоминать о цене слова и поступка,

оказались врагом цивилизации,

признающей силу безликих

или право пальца на кнопке чемоданчика,

право тех, кто прячется за силой бомб,

разрывающих чрево земли,

или сдувающих жизнь с планеты

невидимым ветром, выпущенным из пробирок..

Люди благоразумно подчинились времени,

но Шейх был упрям до безумия,

как считали люди,

поэтому он никогда не расставался

с черкеской, кинжалом и белой папахой,

по которой его все узнавали.

Он часто уходил выше гор,

потому что его гордыня не позволяла наклониться к земле,

чтобы вспахать ее.

Он выбрал себе ремесло царей

и пас овец в небесных облаках,

шагая с посохом по краю бездн,

которым он был так же предан,

как своим отарам и облакам.

Когда время несколько раз вынуждало его

спуститься в село,

из-за неумения быть другим

он попадал за решётку,

и незнание русского языка

и неукротимый нрав

оставляли его там надолго.

Там он томился много лет,

увезенный в город за пределами Кавказа,

но никогда за все те годы

его душа не смогла научиться

ломать себе хребет,

а если его ломали другим,

он разбивал вдребезги зло

и потому до смертного часа

оставался на плоской и лысой земле,

загнанной в клетку.

От рождения и до поздних седин

его не было в моей жизни.

Но теперь, когда проводы братьев

ведут меня к родовому кладбищу в Убра,

я всё чаще вижу в обители Вечности

над вершинами Турчидага

всадника в белой папахе,

проплывающего за тонкорунными облаками.

Его хладное от снегов тело звенит, как тетива,

его преданный конь так же не касается земли,

его снежная бурка летит над руинами Убра,

которое, как бы ни старалось,

не смеет разрушить время.

Когда я,

обласканная в городе временем,

встречаю людей, не помнящих вершины Дома

и облюбовавших серпентарий,

я с удивлением чувствую,

как во мне просыпается неведомая сила,

опасная для меня самой,

и когда я пытаюсь подавить ее,

подняв глаза к небесам,

тень вечного всадника

в белой папахе

напоминает мне

Имя моего отца

и не оставляет пути к отступлению.

7 октября 2014 г.

.

Мама остается той же мамой независимо от того, легче ей живется или тяжелее. Когда мы были маленькими (а нас было трое, жили на съёмной квартире, если так можно назвать сарай, мама воспитывала нас одна на самую маленькую зарплату советских времен - 60 рублей на руки), она всегда старалась нас чем - то побаловать. И не имело значения, одна это конфетка, которой её угостили на работе, или килограмм. Одну конфетку она приносила домой и делила на

троих. Я удивлялась: такую малость, вкус которой дети не успеют даже почувствовать, почему бы самой не съесть? Но она никогда не могла есть что- либо, хоть одну ягодку винограда, если не могла разделить с детьми. Думаете, она изменилась? Мы давно поседели, но она по- прежнему ничего не может есть, пока не увидит, что я тоже начну ужинать. Я часто задерживаюсь на работе, прихожу к девяти, и только тут до меня доходит, что мама ничего не ела- все нетронуто. Я ворчу, выговариваю, но бесполезно. Всё повторяется. Не могу понять, как можно не есть, когда ты голоден, все лежит перед тобой на столе- просто протяни руку. А она не может, никак не может. Пока не увидит, что я тоже разделю с ней кусок хлеба, какой Бог послал. Вот такая она, моя сельская мама. Полвека в городе, а она все та же горянка, с теми же своими представлениями о должном, моя мама, наша бабушка Ажай

9 мая 2015

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.